

После того как Нань И ушел, Цинь Июй и колонка, которую он использовал, сидели друг напротив друга всю ночь.

Он не пил, но чувствовал себя так, будто попал в шторм, даже сильнее, чем на том музыкальном фестивале. Сильный ветер разнес эту комнату на куски, которые собрались вместе, превратившись в черную человеческую фигуру.

Эта тень тоже села, прямо на колонку напротив, и постепенно обрела глаза – светлые, как мед или как у волка.

Он представлял себе эти глаза в самых разрушительных и худших сценариях.

Но он никогда не думал, что этот человек действительно появится снова, да еще и с таким настойчивым «ты мне нужен».

Сказать, что он не был потрясен, – солгать. Иначе он бы не дал шанс в тот момент, когда увидел его, не открыл бы ту дверь, которую собирался навсегда закрыть – дверь, названную музыкой.

До этого он чувствовал тошноту при звуках гитары.

Но оказалось, что он открыл не дверь, а ящик Пандоры, внутри которого были ужасающий талант и непокорная решимость этого человека. Сильный, спокойный, без уговоров, без слов – только руки и басовая линия.

Эти руки, играющие на инструменте, жестоко взбудоражили стоячую воду, оставив после себя бурные волны, а затем ушли.

Цинь Июй пытался избавиться от этой галлюцинации.

Он пошел в ванную, умылся холодной водой.

Подняв голову, он встретился взглядом с собой в зеркале, его глаза остановились на татуировке на шее – звезде, которая пролетела мимо него, когда ему было восемнадцать, оставив след.

[Ты сейчас свободен?]

Ответ, конечно, был отрицательным.

Он спрятался, думая, что сможет одурманить себя, сдать, но в конце концов понял, что это просто долгое закапывание заживо.

Теперь та звезда из воспоминаний появилась, с лопатой безжалостно раскапывая сорняки и почву, руками разгребая камни и пыль, пытаясь спасти его.

Но не слишком ли поздно?

Почему она появилась именно в самый трудный момент? Почему каждая нота сияет гениальностью, и чем больше он вслушивается, тем яснее понимает, что сейчас он просто бесполезен.

Гитарист, который больше не может играть, на что он годится?

Рассвело. Его телефон зазвонил. Взглянув на имя звонящего, Цинь Июй ответил.

- Сяо Юй, твою гитару продали, я уже перевел тебе деньги! - голос Ван Ляна был полон радости, словно он действительно был счастлив за него. - Мой брат сказал, что покупатель был очень решительным, ничего не спрашивал, просто купил, даже не торговался. Надо было повесить цену повыше.

Цинь Июй фальшиво засмеялся, но это было настолько неестественно, что даже он сам рассмеялся.

- Спасибо, брат Ван, ты мне очень помог. Завтра угощу тебя обедом!

- Зачем так церемониться?

На другом конце провода настроение Ван Ляна вдруг упало, и он добавил:

- Обед не нужен, Сяо Юй. Если у тебя есть время, зайди в учебный центр, помоги мне перетащить кое-что.

У Цинь Июя возникло плохое предчувствие.

У него всегда сбывалось плохое, а не хорошее.

- Хорошо.

Как и ожидалось, когда он пришел, у подъезда стоял грузовик от транспортной компании. Ван Лян выглядел озабоченным, курил и вздыхал. Он сказал, что его жена упала с электрического велосипеда и сломала ногу. В родной деревне не осталось никого, кто мог бы поддержать семью, его отец давно болеет, и теперь за ним некому ухаживать. Несколько дней назад он вернулся в деревню, и как только пришел в больницу, увидел, как жена плачет, держа на руках ребенка.

- Здесь я зарабатываю не так уж много, и продолжать в том же духе - не выход. - Ван Лян протянул ему сигарету. - Лучше вернись домой, займись каким-нибудь мелким бизнесом, хотя бы не буду напрягать ее.

Цинь Июй кивнул, глядя на серую дымку смога вдалеке, выпустил клуб дыма и затушил им пустоту перед собой.

- Жить совсем неинтересно.

Услышав это, Ван Лян сначала удивился, его выражение лица изменилось, но затем он обнял Цинь Июя за плечи и сильно потряс его:

- Ты еще молодой, да еще и такой красивый, не говори такого!

Цинь Июй выпустил еще один круглый клуб дыма, а затем ткнул в него носом, играя, сказал:

- Не волнуйся, брат, даже если неинтересно, я буду жить хорошо. Мама велела, я должен ее слушаться.

Увидев это, улыбка на лице Ван Ляна стала еще более тяжелой:

- Виноват я, что оставил тебя без работы.

Если бы он не сказал, Цинь Июй почти забыл об этом. Он сразу же натянул улыбку, потряс своими недлинными кудрявыми волосами и весело сказал:

- Эй, я люблю быть безработным, это так свободно.

Но, честно говоря, деньги действительно были проблемой.

Особенно сейчас.

После того как они расстались с Ван Ляном, Цинь Июй нашел в блокноте пожелтевшую от времени записку, ввел номер банковской карты и перевел все деньги, полученные за гитару.

Закончив, он позвонил учительнице из народа булан, Юй Ни, с которой познакомился в деревне. Услышав это, она все отказывалась, говоря, что сама найдет выход.

- О чем тут думать? Срочно веди ребенка к врачу, остальное потом разберемся.

- Но... - голос на другом конце провода дрожал, и Цинь Июй действительно растерялся, он не умел утешать.

- Никаких «но». - Цинь Июй нахмурился, сославшись на плохой сигнал, и хотел повесить трубку.

С другой стороны плач прекратился, и тогда спросили:

- Он велел спросить, ты вернешься к ним?

Услышав это, перед глазами Цинь Июя возникли простые, наивные лица. Когда он чувствовал, что жизнь настолько плоха, что не хотел никого видеть, и хотел только спрятаться в горах, именно эти дети спасли его.

Он знал семьи каждого из них, даже цыплят, уток и телят, которых они держали дома. Каждому из них Цинь Июй тайно дал имя. Несмотря на бедность, каждая семья относилась к нему как к своему ребенку, другу или даже родственнику, принимая его с самой теплой и доброй стороны.

Те воспоминания были пропитаны солнечным светом и ароматом цветов, они были как мягкая кровать, которая поймала его, когда он падал.

- Конечно.

Он пнул камень на дороге, выдохнул и улыбнулся:

- В следующем году на фестиваль Санкан я обязательно вернусь. Скажи им, чтобы ждали меня, все были здоровы и ждали моего возвращения, чтобы отпраздновать, никого не должно не хватать.

Хотя он выполнил важное дело, он не чувствовал облегчения, возможно, потому что это было только начало? Дети были еще так малы, и казалось, что лечение этой болезни никогда не закончится.

А что насчет него самого? Без денег, без будущего, без рук, чтобы играть на струнах, с долгами, и даже без единственной работы, которая ему хоть немного нравилась.

Что у него осталось?

Все было так плохо, почему Нань И так настойчив?

Нельзя было продолжать думать об этом, Цинь Июй заставил себя выбросить все это, как мусор.

Каждый раз, когда на душе становилось тяжело, он садился в автобус и ехал без цели, глядя в окно, до конечной остановки, а затем пересаживался на другой. Так, незаметно для себя, он доехал до Гунчжунфэня.

На остановке он вышел, побродил минуту в ближайшем цветочном магазине, купил букет подешевевших красных роз, а затем на велосипеде доехал до кладбища, расположенного в километре оттуда.

Смог рассеялся, солнце светило так ярко, что не было ни облачка, и оно слепило глаза.

Стоя перед могилой матери, Цинь Июй сначала не мог ничего сказать, он просто стоял как столб, долго смотрел на молодое и красивое лицо на надгробии.

Вдруг он засмеялся, громко.

Рядом плакала семья, услышав смех, они обернулись, забыв о своих слезах.

Все проходит, люди всегда так говорят. Но спустя столько лет, стоя здесь, Цинь Июй все еще сожалел о своем решении.

В тот год, когда его жизнь начала рушиться, он даже думал, что не следовало упрямо заниматься группой, это было ошибкой с самого начала. Если бы он послушал маму, усердно учился, закончил учебу и жил по ее плану... Может, все было бы иначе?

Они бы не ссорились так много, его отец бы не предал его, он бы не отказался отвечать на последний звонок матери, мама бы не ушла, и с ним бы ничего не случилось, он бы не стал инвалидом в таком молодом возрасте.

Мир жесток тем, что в нем нет «если бы».

Он не мог забыть тот день, когда забирал маму, и, кажется, больше не мог стоять на сцене и петь.

Прошло так много времени, он постепенно смирился с некоторыми фактами и принял необратимую судьбу. Это было нелегко, Цинь Июй потратил почти все свои силы, чтобы отрезать того гордого, свободного себя, каким он был первые двадцать лет жизни, кусок за куском, а затем выбросить.

И тогда появился Нань И.

Его появление заставило Цинь Июя оглянуться на те куски плоти, которые он выбросил, каждый из них казался все еще живым, и, присмотревшись, он понял, что они все еще обернуты пульсирующими нотами, которые прыгали и пугали.

- Мама, скажи, зачем он появился?

- Может, я сошел с ума? - Он нахмурился, осознав, что у него не осталось никаких

доказательств существования Нань И.

- В последнее время я замечаю странные вещи: просыпаюсь, а дома что-то пропало или переместилось. Но это не важно... Скажи, может, этого человека вообще не было, и я сам себе придумал его, обманываю себя?

Услышав эти слова, соседняя семья поспешно ушла, оглядываясь с опаской, но сам Цинь Июй, погруженный в свои мысли, ничего не заметил.

Однако вскоре он отверг эти невротические догадки:

- Нет, нет...

Зонтик действительно исчез.

Да, по крайней мере, это было доказательство, и Цинь Июй вздохнул с облегчением.

Нань И был реальным.

- Надо было записать. - Он резко сменил тему, поставил цветы, которые любила мама, и сел, скрестив ноги, сорвав травинку и говоря сам с собой, с досадой и детской непосредственностью.

- Он играл так здорово, если бы я записал, сейчас бы мог включить тебе.

Ответа не последовало.

Цинь Июй лег рядом с надгробием, свернувшись калачиком, как ребенок, и нежно провел пальцами по камню, словно в детстве, когда он лежал рядом с мамой и трогал ее ароматные волосы.

Он тихо пробормотал:

- Если бы ты пришла раньше, сейчас уже слишком поздно, я уже...

Не закончив фразу, он почувствовал, как подул ветер, развевая его волосы и мягко касаясь его щеки.

И слова [не могу] застряли у него в горле.

Он тихо засмеялся:

- Ты только не ругай меня.

Ветер усилился, и лепесток цветка упал на грудь Цинь Июя.

Он перестал смеяться, взял в пальцы мягкий лепесток и, запинаясь, произнес, словно выплевывая из желудка тяжелые камни:

- Лучше все-таки... поругай меня.

Вскоре после того, как он вышел с кладбища, солнце скрылось за облаками. Он не понимал, откуда взялись эти тучи, так быстро, словно все, что произошло на кладбище, было теплым и ярким сном.

Едва он вышел из этого сна, как уже начало темнеть. Закат был ярко-красным, как размытая капля крови.

Сидя в автобусе, с мыслями, которые металась туда-сюда, он вдруг подумал о выражении – «боязнь возвращения домой».

Он боялся настолько, что даже не хотел возвращаться в свою съемную квартиру. Потому что он знал: как только он войдет и откроет дверь, лицо Нань И, его глаза, его басовая линия... все это начнет неконтролируемо проникать в его мысли, все глубже и глубже.

Домой он не мог вернуться, поэтому решил переночевать у Чжоу Хуая.

Обычно Цинь Июй почти никогда не оставался ночевать, он привык спать один. Чжоу Хуай, увидев его, понял, что у парня плохое настроение, поэтому ничего не спросил, только, убирая инструменты для пирсинга, вспомнил слова Нань И в тату-салоне.

- Эй, тот красавчик хотел, чтобы ты ему проколол уши. Он еще придет?

В полумраке комнаты взгляд Цинь Июя был растерянным. Кажется, ресница снова попала в глаз, это было очень неприятно.

Он потер глаза и тяжело поднялся наверх спать:

- Он не придет. Я сказал, чтобы мы больше не виделись.

Момент, когда падает звезда, конечно, волнует, но после ее исчезновения ночь становится только темнее.

Чжоу Хуай редко слышал, чтобы Цинь Июй говорил таким тоном – обиженным, раздраженным и грустным.

- Кто бы мог подумать, что он тебе что-то должен... - пробормотал он себе под нос.

Действительно должен, хотя всего лишь зонтик.

К сожалению, Нань И не смог вернуть его лично.

Но перед отъездом он уже предполагал это, поэтому не слишком расстроился. Выйдя из района Цинь Июя, он сел на мотоцикл, и перед тем, как надеть шлем, посмотрел в зеркало заднего вида на правое ухо. На ушной раковине уже был пирсинг, а мочка оставалась нетронутой.

Но в следующую секунду его внимание привлекла группа людей, появившаяся в зеркале. Они выпрыгнули из микроавтобуса, в руках у них были какие-то предметы.

У Нань И возникло плохое предчувствие, он хотел снять шлем, но в этот момент зазвонил телефон – звонила мама.

Пришлось ответить.

- На следующей неделе? - Нань И опустил голову, чтобы проверить дату. - Это тот специалист по ушам, о котором я говорил?

- Да, - ответила мама. - Хотя шансов мало, но я подумала, что нужно попробовать. Как ты

считаешь? Я уговорила твоего отца, давай попробуем еще раз.

- Хорошо, я запишусь, сообщу, как будут новости. - Нань И снова завел мотоцикл. - Вы с папой ждите дома, не приходите сами.

- Ты же учишься, мама сама придет. Кстати, Сяо И, ты же говорил, что участвуешь в конкурсе групп? Не беспокойся о папе, твои дела важнее. И обязательно береги себя, мама не рядом, так что во всем...

- Во всем нужно быть осторожным, не вступать в конфликты, - Нань И с легкой улыбкой предвосхитил наставления матери. - Мам, я все знаю, не переживай.

Закончив разговор, он заметил, что те люди исчезли. Надев шлем, он уехал.

Вечером, вернувшись в репетиционную комнату, он застал Чжияна и Янь Цзи, которые уже некоторое время репетировали. Нань И, как человек действия, быстро обсудил с ними кавер-версию песни. Что касается оригинальных композиций, он и раньше писал их, но использовать не хотел.

Янь Цзи не понимал причины.

- Это песня «Уголка хаоса». - Проработав несколько лет, постоянно общаясь с клиентами и начальством, он всегда говорил очень дипломатично. - Исполнять их песню на отборочном туре... не слишком ли рискованно? И ты уверен, что хочешь сильно ее изменить?

Нань И, конечно, понял подтекст.

«Уголок хаоса» - это Цинь Июй, Цинь Июй - это «Уголок хаоса». Даже если его сейчас нет, и вокалист другой, это не меняет сложившегося впечатления. Их песни давно получили ярлык «непередаваемых». Не только другие, но даже нынешний вокалист «Уголка хаоса» постоянно подвергается критике за то, что «не тот самый вкус».

Тембр голоса, стиль исполнения и творческий талант Цинь Июя невозможно повторить, особенно его харизма на сцене. Он стал своего рода символом, звуковым водяным знаком, навсегда, как призрак, записанным в каждой песне «Уголка хаоса».

- Именно потому, что это его песня, ее нужно сильно изменить.

Нань И, настраивая инструмент, говорил с непривычной для его возраста уверенностью:

- Если оставаться в его шаблоне, это путь в никуда.

Чжиян, однако, не волновался. Он инстинктивно доверял Нань И и, улыбаясь, сказал:

- Мы как будто идем по канату, это так захватывающе.

- Наверное, это профессиональная деформация, я всегда подсознательно думаю о рисках.

Янь Цзи пожал плечами, подумав, что он уже уволился, и теперь слишком поздно думать о таких вещах, лучше просто наслаждаться процессом.

И он добавил:

- Но высокий риск означает высокую награду. В таких конкурсах только те, кто рискует, могут

выиграть.

Нань И наклонил голову, глядя на него, и почувствовал, что этот человек неожиданно ему по душе. Казалось бы, зрелый и уравновешенный, но внутри у него тоже есть эта безумная готовность идти ва-банк.

И такого Чжиян смог найти.

Он подключил усилитель и, улыбаясь, сказал Чжияну:

- Ты молодец.

- А? - Чжиян не понял.

Но похвала всегда приятна, и он стал играть на барабанах еще усерднее.

- Теперь у нас есть еще одна проблема. - Когда Янь Цзи оказывался в группе, он всегда стремился быстро распределить обязанности, особенно перед отборочным туром. Пока что самая важная часть - вокал - оставалась неопределенной, что его очень беспокоило.

Клавишные, как мелодический инструмент, больше подходили для разделения вокальной части, чем барабаны или бас, но он не считал, что его тембр и вокальные данные могут справиться с этой ролью, поэтому посмотрел на остальных.

- Кто будет вокалистом?

- Барабанщик не может петь, это слишком сложно, - сразу указал на Нань И Чжиян. - У Сяо И отличный тембр, и дыхание устойчивое, ты сам услышишь.

Янь Цзи был удивлен:

- Бас-гитаристы редко бывают вокалистами.

Не то чтобы не было известных групп, где бас-гитарист является вокалистом, конечно, они есть, но это совсем другой уровень сложности по сравнению с гитаристом-вокалистом.

- Бас - это ритмический инструмент, он сам по себе не подходит для пения, если только басист не играет только основные ноты, не заботясь о груве, просто следуя мелодии и открывая рот. В таком случае можно быть вокалистом. - Янь Цзи посмотрел на Нань И. - Но ты не такой. Если ради пения придется пожертвовать твоей техникой, я считаю, это будет очень жаль.

Эти слова были искренними.

Он видел невероятно сильную технику игры Нань И и его крепкое чувство ритма, которое могло удержать всю группу. Сохранять такой уровень исполнения и одновременно петь - это как Чжоу Ботун, который мог сражаться обеими руками одновременно?

Нань И сохранял спокойное выражение лица, но внимательно слушал, а затем тихо сказал:

- Давай сначала попробуем.

Но когда они официально начали первую репетицию, или, точнее, когда Нань И запел, играя на басу, Янь Цзи понял, что слово «попробуем» было слишком скромным.

Это была не «проба», а результат бесчисленных тренировок в сочетании с огромным талантом.

С первой встречи Янь Цзи чувствовал, что этот парень особенный. Его взгляд был твердым, он был самостоятельным, говорил мало, всегда был занят и никогда не сидел без дела.

Он был как бездонный сухой колодец, в котором лежали твердые секреты, один за другим.

<http://bllate.org/book/14694/1313136>